

4. Chemistry Matters: учебно-методическое пособие по английскому языку для студентов 2 курса химического факультета / И.С. Карпенко, Е.И. Клименко. Воронеж: 2022.

СОБЫТИЯ И МЕСТА КАК ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТИ

EVENTS AND PLACES AS OBJECTS OF MEMORY STUDY

Э.А. Усовская

E.A. Usovskaya

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, *usouskaelina@gmail.com*
Belarusian State University,
Minsk, Belarus, *usouskaelina@gmail.com*

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты исследования памяти как одного из основных объектов мемориальных исследований. Репрезентатором культуры памятования являются события и места, которым мировая и национальная культуры придают ценностно-смысловые значения. «Места памяти» выполняют ряд социокультурных функций, в том числе, осуществляют преемственность между поколениями и периодами исторического развития, служат ориентирами для поведенческих моделей, отражают общую эпистему эпохи. В качестве центрального объекта, иллюстрирующего сущность событий и мест памяти, была избрана Великая война. Обращение к ней дает возможность обнаружить постоянную рефлексию над войной как реалией и концептом человеческого существования, а также выявить коммеморативные смыслы мест памяти для поддержания культурной памяти в целом.

Ключевые слова: память; мемориальные исследования; коммеморация; места памяти; события; культура; ценность; прошлое; преемственность; Великая война; Беларусь.

The article deals with theoretical and practical aspects of memory research as one of the main objects of memorial research. Representatives of the remembrance culture are events and places to which world and national cultures attach value and semantic meanings. «Places of memory» perform a number of sociocultural functions, including the continuity between generations and periods of historical development, serve as reference points for behavioral patterns, and reflect the general episteme of the era. The Great War was chosen as the central object illustrating the essence of events and places of memory. The reference to it makes it possible to discover a constant reflection on war as a reality and a concept of human existence, as well as to identify the commemorative meanings of places of memory for the maintenance of cultural memory as a whole.

Keywords: memory; memorial research; commemoration; places of memory; events; culture; value; past; continuity; Great War; Belarus.

Исследование памяти как направление в истории, культурных исследованиях, антропологии и т.д. приобрело самостоятельное и очень

влиятельное значение в науке и повседневной культуре. Во многом, на наш взгляд, оно стало следствием, а затем и инициатором изучения причин и результатов двух мировых войн, а также культурных поворотов, дигитализации культуры и человеческой жизни. Круг вопросов как предметного поля Memory studies чрезвычайно широк, но всегда касается соотношения памяти, культуры, истории. В содержательно-методологическом плане он охватывает следующие аспекты: что представляет собой память – историческая, культурная, коллективная; как мы помним и что мы помним; каковы объекты памяти; как сохранить и транслировать то, что мы помним и многие другие. В контексте интенсивного развития процессов цифровизации более чем актуальной оказалась проблема отбора информации, которую необходимо кумулировать и передавать как объект культурной/социальной памяти.

Со времени М. Хальбвакса, А. Варбурга, В. Беньямина, Ф. Барлетта конфигурация исследований памяти существенно не изменилась, трансформации подверглась, скорее, сфера, масштаб их распространения. Однако П. Нора, М. Оже, Я. Ассман, М. Одо, М. Хаттон рассматривали возрастающий интерес к памяти в связи с вызовами постмодерна. Возникновение памяти как одного из ключевых понятий было обусловлено и дискредитацией истории как науки, способной к объяснению и прогнозированию социокультурных и политических реалий, а также становлением новой культурной истории, парадигма которой была представлена, в частности, Ж. Ле Гоффом. Так, А. Конфино утверждал, что «Понятие “память” заняло место главного термина, в последнее время, возможно, самого важного термина в культурной истории» [1, p. 1386].

Немалую роль в мемориальном буме сыграла деятельность Нора, который в 2002 г. констатировал, что «мы живем в эпоху всемирного торжества памяти», а изменение отношения к прошлому обрело самые разные формы, в числе которых критика официальных версий истории и возвращение вытесненных событий исторического процесса; «восстановление следов уничтоженного или отнятого прошлого; культ корней»; интенсивное развитие мемориальных мероприятий; возобновление интереса к культурному наследию [2]. Действительно, прошлое стало точкой переосмысления людьми и сообществами самих себя, собственной идентичности, что было особенно важным в постколониальный период и ситуации формирования новых государств.

Однако память причудливый и сложный феномен, обуславливаемый не только чисто психологическими механизмами функционирования, но и культурой, сложность, полиструктурность и содержательная вариативность которой обеспечивает связь между прошлым и

настоящим, будущим в виде различных связей и конфигураций. Они зависят от устойчивых паттернов, лежащих в основе жизни и мировоззрения этноса, группы, универсалий, архетипичных по своей природе, социально-исторических эпистем и многих других факторов. Культурная память является способом и своеобразным хранилищем, архивом информации о прошлом, национального этоса, а также генератором ценностей и норм, позволяющих социокультурной системе сохранять целостность, стабильность и рост.

Анализ разных подходов понимания культурной памяти, представленных позициями Хальбвакса, А. Ассман, А. Эрл, Нора, В. Фортунати и Е. Ламберти, позволяет выделить ее следующие характеристики-параметры:

- функциональное обеспечение целостности и идентичности группы/этноса на основе продуцирования и отбора ценностей, образов-символов, культурных кодов, мест и событий, актуальных для нее/его;
- динамичность, изменчивость, процессуальность;
- закрепление в социально-культурных институтах;
- обеспечение связи и преемственности между поколениями, прошлым и настоящим.

В контексте перечисленных характеристик особое значение для нас будут иметь события и места как источники и маркеры культурной памяти. В то же время для того, чтобы они стали и были таковыми, необходимо постоянное поддержание их функционально-символической роли памятования. Для этого должна существовать сопричастность – коммеморация – людей к этим объектам, эмоционально выраженная, имеющая значение как для личности, так и для общности. Современный американский автор П. Хаттон указывает: «Сами по себе образы памяти всегда фрагментарны и условны. Они не обладают целостным или связанным значением, пока мы не проецируем их в конкретные обстоятельства. Эти обстоятельства даются нам вместе с мнемоническими местами» [3, с. 203]. Можно сказать, что культурная память в контексте постоянного обращения к прошлому раскрывается через воспоминания в виде собственных нарративов, историях, в людях и вещах, которые дороги, определенных местах – местах памяти. С точки зрения Нора, «места памяти» это не сами по себе события, а вспоминая о них. Поэтому ключевой оказывается проблема того, что мы помним и как мы помним, а также что нам позволено помнить. Именно этот акцент оказывается весьма актуальным, поскольку, как писал Пьер Нора, «многочисленные места памяти (*lieux de mémoire*) существуют потому, что больше нет памяти социальных групп» [4, с. 17]. Не будем оспаривать позицию мэтра. Отметим лишь, что социально-групповая эрозия и

постоянная профессиональная трансформация препятствуют кумуляции и трансляции опыта и памяти, не отменяя их как таковых.

Итак, объекты культуры в форме событий и артефактов, мест являются источниками, маркерами и символами памятования. Они говорят с нами на языке памяти, если материально, символически и функционально эксплицированы. В этой связи Нора писал: «Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой. Даже чисто функциональное место, такое как школьный учебник, завещание или ассоциация ветеранов, становится членом этой категории только на основании того, что оно является объектом ритуала. Минута молчания, кажущаяся крайним примером символического значения, есть как бы материальное разделение временного единства, и она же периодически служит концентрированным призывом воспоминания. Три аспекта всегда сосуществуют» [4, с. 39].

Культурная память XX в. во многом построена на переживании, осмыслении двух кровавых мировых войн. Этот коммеморативный опыт позволяет, помимо всего прочего, понять, как не допустить больше подобных трагедий. Мы обратимся к прошлому Великой войны, известной в нашем научном и повседневном дискурсах в большей степени как Первая Мировая война, к экспликации ее объектов как нарративов памяти. Нас интересует также отношение к ней со стороны современников и потомков. Подчеркнем, что внимание к Великой войне не угасает. Так, руководители проекта, посвященного столетию ее начала, С. Одуэн-Рузо и Ж. Беккер во введении обращают внимание на весьма характерное обстоятельство – «во Франции события 1914–1918 гг. по-прежнему находятся в центре литературного и художественного творчества; не отстает и историография, причем не только на университетском уровне, но и в плане так называемой “публичной” истории. Смена поколений, вопреки ожиданиям, не только не отодвигает Великую войну на задний план, напротив, молодое поколение относит ее к величайшим событиям XX в.» [5, р. 11–12]. Результаты исследований памяти Великой войны представляют актуальность и для нашей страны, ставшей ареной кровопролития и горя. К сожалению, события, повседневная жизнь и культура тех лет, осмысление самой войны изучены в Беларуси не в полной мере.

Первая Мировая война стала социальным, мировоззренческим и культурным шоком для человечества. Она унесла примерно 10 млн. жизней, ее жертвами стало 22 млн. раненых и искалеченных людей. Ее последствия усугубились пронесшейся по миру «испанкой». По неполным данным вирусом было поражено около 30 % населения земли, а

число умерших составило от 17,4 млн. человек до 100 млн. [6, р. 2561]. Великая война оказалась точкой противостояния разных идеологических и социально-политических систем, невероятным кризисом всей системы культуры Модерна (Нового времени), Модернизма, так называемых буржуазных ценностей, который впоследствии привел ко Второй Мировой войне. Первая мировая война свидетельствовала о неготовности человечества к грандиозным технологическим новшествам, обретшим явно милитаристские черты. Она демонстрировала расхождение между идеями свободы, равенства и братства, демократическими ценностями с реальностью. Вера в прогресс оказалась уже не столь оптимистичной. Поэтому далеко не случайны резко критические высказывания О. Шпенглера о гибели Запада, оказавшегося во власти цивилизации, вещизма и материализма.

Война, как и формирование будущей мир-системы, способствовала, как это не кощунственно звучит, изменению социальных связей и отношений, появлению новых государств, слому колониальной системы, изменению положения женщины в обществе, пониманию необходимости решать возникающие конфликты на уровне наднациональных структур. Вряд ли можно сказать, что подобные последствия были доведены до своего позитивного логического конца, но начало трансформации мира, правда, кровавым путем, было положено.

События и артефакты Великой войны – это не только сражения на фронтах, но и жизнь людей в тылу, в том числе и на оккупированных территориях, их письма, фотографии, вещи – все то, что составляет корпус мест памяти. Осмысление происходящего и уже произошедшего обрело форму мест скорби – мемориалов и просто могил неизвестных погибших. Как пишет Дж. Уинтер, один из наиболее известных современных историков Великой войны, «физические, эмоциональные и художественные артефакты ... свидетельствуют о катастрофической сути войны и отражают многообразие средств, с помощью которых выжившие пытались осмыслить, почему их жизнь продолжается, а жизнь погибших – нет» [7, с. 19].

Память о войне обрела характером процессуальности: она воплощалась не только «потом», но и «здесь и сейчас», стремясь осмыслить события текущих дней, месяцев, лет. Рефлексию, осмысление войны можно представить в виде двух основных линий – официальной культуры, которая нередко приобретала форму массовой пропаганды, и культуры повседневной, народной. Уникальным явлением того времени стало разворачивание авангарда, наполнение ряда его течений антивоенными смыслами и пафосом. Можно сказать, что Великая война отодвинула «изящное» искусство на задний план. Как писали Б. Джонс и

Б. Хоуэлл в «Массовом искусстве Первой Мировой войне» «...в окопах, госпитальных, и лагерях военнопленных усталые и разочарованные люди, оторванные от своих дел, сидели и вертели в своих руках использованные гильзы и оловянные жестяные банки из-под мясных консервов, создавая декоративные предметы, только чтобы провести время. Это была единственная реальная для них возможность изобразить войну такой, как они хотели (и осмеливались) ее увидеть» [цит. по 8, с. 66].

Первоначальная романтизация войны охватила разные слои населения, в первую очередь интеллектуальную элиту – молодежь. Это привело к тому, что с фронта не вернулась примерно «треть предвоенных выпускников Оксфорда и Кембриджа. Жертвовали своими детьми и некоторые представители высшего света: среди погибших на фронте встречаются и немецкие герцоги, и русские великие князья...» [9, с. 242]. Поразительно, что так называемая патриотическая истерия коснулась и верующих, и неверующих, и тех, кто вчера призывал к войне, и тех, кто был пацифистом: «Все христиане понимали, что убийство есть грех, но все церкви благословляли войну; европейские социалисты и социал-демократы, чаще всего в Бога не верившие и до войны провозглашавшие войну злодеянием правящих классов, теперь в большинстве своем ее прямо оправдывали [9, с. 245]. Однако эйфория вскоре сменилась ужасом и невозможностью обосновать необходимость войны как таковой. Патриотизм и национализм разбивались о реалии событий, кровь и смерть. Существенным оказался вопрос и о справедливости войны со стороны воюющих правительств, государственных машин в целом. Не случайным поэтому оказался отток в Швейцарию и Соединенные штаты большого количества молодых людей, а расцветающий дадаизм стал своего рода контркультурной прививкой от военных урапатриотических настроений.

Одним из удивительных массовых феноменов стало обращение к религии и религиозному мистицизму, доминировавших среди женщин, роль которых в период войны неуклонно возрастала. На них держался тыл, они молились за своих мужей, отцов, братьев, страну, верили в победу или в то, что весь этот военный ад, наконец, закончится. Производство плакатов, открыток с изображением Девы Марии, чудесных избавлений и провидения приобрели характер индустрии, которая процветала и на уровне государства, и в лоне католической церкви, и в народной культуре. Образы наивно-сентиментальных картинок, с одной стороны, мифологизировали, романтизировали войну, с другой – обладали своего рода эскапистским характером, погружавшем человека в сверхреальную действительность прошлого или религиозного. Как отмечает Дж. Уинтер, «одной из задач этого искусства стало то, чтобы создать

миф: миф о воинском воодушевлении, повествование о первых днях войны. ... в образах *images d'Ehinal* романтические и не имеющие ничего общего с действительностью представления о тех днях переписались в своего рода легенду» [7, с. 174].

На ином конце находилась та часть неофициальной культуры, которая развенчала войну, показывала ее кровавые стороны, голод и смерть. Это документальное фото, собственно, сам ландшафт, оставшийся после сражений, хроники Верденской мясорубки, использование иприта и т.д. Показательным в этом плане стал фильм Абея Ганса «Я обвиняю» (1919), а также целый пласт литературы потерянного поколения. Не менее выразительными были рисунки, гравюры тех авторов, которые призывали к прекращению бессмысленной бойни. Так, швейцарский художник Феликс Валлотон написал серию гравюр «Это война», язык которой стал красноречивым свидетельством абсурда убийства и бесчисленных жертв. Работы художника Люка Альбера Моро, воевавшего под Верденом, наполненные эмоциональной экспрессией, оказались более иллюстративными, чем фотохроника сражений. Так, рисунок «Октябрь 1917, атака в Шеми-де-Дам», сделанный художником после артиллерийской атаки, изображавший повисшее на дереве тело, заброшенное туда взрывом, вызвал резонанс, меняя романтизм представлений о военных реалиях. Аналитический взгляд на войну, как будто отстраненный и от героики, и от экспрессии, выражен работами Фернана Леже. Среди его зарисовок, относящихся к 1916–1917 гг., есть несколько набросков и акварелей, сделанных с упавших немецких и французских самолетов. «Объективный» взгляд художника запечатлел причудливое сочетание их геометризированных обломков, создающих абстрактные композиции [9, с. 292].

Язык скорби был наиболее репрезентативным и наглядным в форме создаваемых мемориалов, ставших, теми самыми местами памяти. Памятники и памятные таблички, целые комплексы напоминают о прошлом, захлестнувшем, пожалуй, каждый уголок Европы и не только.

Как указывает Уинтер, мемориальные объекты можно разделить на три основные категории. Первые создавались непосредственно в период войны и концентрировались в местах военных сражений. Они выполняли функцию героизации войны. Вторые были построены после перемирия и содержали «экуменические и традиционно-патриотические элементы, воплощая в себе одновременно и всеобщий характер утрат, и специфические черты национальных политических и эстетических подходов» [7, с. 112]. Третьи располагались на кладбищах и по сей день отдают дань людям, потерявшим жизнь, отсылая нас к вполне традиционным кодам – ценностям жизни.

Одним из крупнейших мемориалов стал комплекс на месте сражений в деревне Флери-Деван-Дуомон недалеко от Вердена. «Верденская мясорубка» продолжалась с 21 февраля по 18 декабря 1916 г. и унесла жизни около миллиона человек (данные неполные). Каждый год саперы обезвреживают около 50 тонн взрывчатки, найденной под Верденом. Историки предполагают, что до сих пор незахороненными остаются примерно 80 тыс. немецких и французских солдат. Центральным объектом мемориала является оссуарий (костница) – склеп костей, останков 130 тыс. французских и немецких солдат, которых не удалось идентифицировать. Решение о его сооружении было принято еще в 1918 г. сразу после подписания Компьенского перемирия. Однако открылся он только в 1932 г. Склеп представляет собой сооружение длиной 137 м, с которого открывается панорамный вид на некрополь, где захоронены опознанные французские солдаты. В 1922 г. была воздвигнута статуя, изображающая скелет, задрапированный флагом. На основании грандиозной скульптуры выгравировано «Ils n'ont pas passé» («Они не прошли»). Местами памяти уничтоженных девяти деревень стали часовни. Спустя сто лет комплекс был дополнен музеем.

В межвоенный период в самых разных странах, как участников Антанты, так и Тройственного союза, было воздвигнуто немало мест памяти-скорби. Так, в 1927 г. были построены так называемые Мененские ворота, триумфальная арка в Ипре, фактически полностью разрушенном в годы войны и известном как место сражения, где впервые были применены хлор и горчичный газ, впоследствии получивший название иприта. Первая же в мире Могила неизвестного солдата появилась в Париже в 1920 г. В ней покоится прах безымянного французского солдата, погибшего под Верденом. Она символизирует память о 1,5 млн. французских солдат, погибших в 1914–1918 гг. [10].

Проигравшая войну Германия создавала мемориальные места, отличающиеся собственной эстетикой и памятью. Уже в первые послевоенные годы они стали появляться во многом по частной инициативе. В период нацизма их количество увеличилось. Большинство из них представляют собой памятные локации на кладбищах, при часовнях (памятник павшим немецким солдатам в Нидерау, памятник павшим немецким солдатам на мемориальном кладбище возле городка Бишофсгрюн, мемориал перед приходской церковью в Ангере и др.).

Первая Мировая война в Беларуси также нашла свое отражение и рефлексию в местах памяти. К столетию ее начала и окончания была проведена работа по экспликации документов, вошедших в экспозицию выставки «Первая мировая война в документах и материалах Национального исторического архива Беларуси», открыт мемориальный

комплекс «Братское военное кладбище» (пересечение улицы Червякова и Старовиленского тракта), история которого весьма иллюстративна. Решение о его создании было принято еще в 1914 г. Предполагается, что здесь захоронено около 5 тыс. человек [11]. Рядом с кладбищем существовал лагерь беженцев и могилы умерших гражданских лиц. Впоследствии здесь возник стихийный рынок, получивший название Сторожевского, который просуществовал до 1996 г.

Еще одним объектом памяти стал мемориальный комплекс памяти героев и жертв Первой Мировой войны, открытый 1 августа 2014 г. в Сморгони. В годы войны Гродненская область была одним из наиболее пострадавших регионов Беларуси – с сентября 1915 г. по февраль 1918 г. через Сморгонь проходила линия русско-германского фронта. Результатом постоянных ожесточенных боев стало уничтожение практически всего города, который получил название мертвого – после войны из 16 тысяч жителей сюда вернулись всего 130 человек [12].

Еще одним мемориальным событием стал проект «Архив свидетелей войны», представленный на 56 Венецианской биеннале в 2016 г. Еще в августе 2014 г. он был показан в минском Музее современного искусства и приурочен к столетию начала Великой войны. Основная идея-метафора экспозиции выглядела как «художественная инвентаризация памяти о Первой мировой войне» [13]. Ее основу составили фотодокументы из фондов республиканских и региональных музеев, частных коллекций, повествующих не только о военных действиях, сражениях, но и отсылающих к культуре повседневности, к реалиям того, как жили и умирали люди, как страдали и радовались.

Венецианский проект стал медийным, документальным и художественно-мемориальным. Его ключевой концепт заключался в следующем тезисе Алексея Шинкаренко: «“Архив...” – это не шоу, не развлечение. Это возможность донести голоса свидетелей тех событий до нынешних зрителей. Снимки не утратили актуальности. Как не изменился и характер войн. Это всегда кровь, беженцы, разделение на «свои – чужие», представление о смерти как о банальности. Один из внутренних фильтров – не спекулировать на теме и в то же время показать как можно больше, без купюр. Военной фотографией легко шокировать, но мы максимально бережно отнеслись к материалу. Это чрезвычайно ответственный проект. Первая мировая для меня ближе, чем, например, война в Ираке, которая хронологически не так давно произошла. Но она где-то в пространстве медиа. А когда смотришь на снимки Первой мировой, сделанные, к примеру, на Нарочи или под Барановичами, видишь много деталей, которые обнаруживаются в собственной памяти. Усиливается ощущение, что это все происходило не где-то там, в далеком

прошлом, а здесь, совсем рядом, раз я узнаю эти лица и вспоминаю эти места» [13].

Анализ мест, событий памяти в данной статье сфокусировался на Первой мировой войне не просто так. Возвращение к прошлому, которое мало известно, притягивает к себе, иницируя внутренний диалог культуры с самой собой с целью самопознания и самоидентичности. Обращение к событию «Первая мировая война» сегодня подчеркивает абсурдность войны как антитезы жизни. Вышедший в 2022 г. фильм (Netflix, Германия, США, Великобритания) «На западном фронте без перемен» на основе романа Эриха Марии Ремарка, участника войны, в очередной раз служит напоминанием об этом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Confino A.* Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // *The American Historical Review*. Vol. 102. № 5. 1997. P. 1386–1403.
2. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3.
3. *Нора П.* Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 22.09.2023).
3. *Хаттон П.* История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2003.
4. *Нора П., Озуф Ф.* Проблематика мест памяти // *Франция-память*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
5. *Audoin-Rouzeau S., Becker J.-J.* Introduction // *Prémière Guerre mondiale: Encyclopédie*. P., 2004. P. 11–16.
6. *Spreuwenberg P., Kroneman M.* Reassessing the Global Mortality Burden of the 1918 Influenza Pandemic // *American Journal of Epidemiology*. V. 187 (12). P. 2561–2567.
7. *Уинтер Дж.* Места памяти, места скорби: Первая мировая война в культурной истории Европы. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023.
8. *Хиллер Б.* Стиль XX века. М.: Слово, 2004.
9. Первая Мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М.: Издательство Московского университета, 2014.
10. La visite de l'Arc de Triomphe [Электронный ресурс]. URL: <https://webcitation.org/66jpGIMcf?url=http://www.cheminsdememoire.gouv.fr/page/afficheLieu.php?idLieu=1559> (дата обращения: 01.09.2022).
11. Мемарьял у каноне. Што проціпаставіць недаўгавечнаму харакству? [Электронный ресурс]. URL: <https://kultura-info.by/> (дата обращения: 01.10.2023).
12. *Лапунов В.* Мемориальный комплекс в Сморгони – это нужно не мертвым, это нужно живым! [Электронный ресурс]. URL: https://xn--c1anggbpdf.xn--plai/100_years/200236/ (дата обращения: 11.10.2023).
13. Беларусь на Венецианской биеннале: войти в «Архив свидетеля войны» [Электронный ресурс]. URL: <https://minsknews.by/belarus-na-venetsianskoy-biennale-voyti-v-arhiv-svidetelya-voynyi/> (дата обращения: 01.10.2020).